

КТО ВИНОВАТ В ШЕСТЬДЕСЯТ?

Юбилей Сергея Довлатова

Ивановича Иван - 2006 - 4 шт. - 1.7

Дмитрий Олышанский

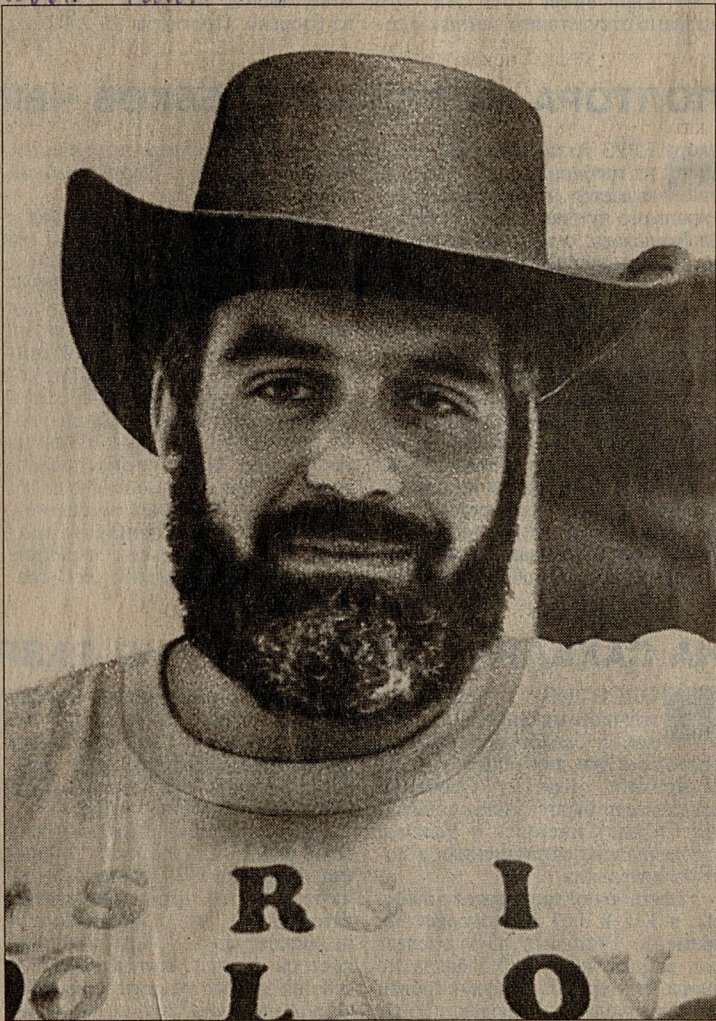
«Отсюда судьба их начала сильно
разниться».

Лесков

ПИСАТЕЛЮ Довлатову вчера исполнилось бы 60. Когда ваши поздравления юбиляру можно направить лишь в сторону невозмутимых небес — это поневоле настраивает на философский лад. Виновник торжества отсутствует, и, как всегда в таких случаях, тянет рассуждать о том, как случилось, что мы раз и навсегда запомнили этого автора, героя, высокого человека (двусмысленность употребленного здесь слова «виновник» — печальная и оттого совсем довлатовская). Напрашиваются четыре соображения. Пусть они и станут посильными поздравлениями — даром что их адресат знал цену любой велеречивости.

1. Довлатов — вопреки выпавшим ему трудным временам — был «великим русским писателем» в буквальном смысле слова. Его внешний, моральный, литературный облик и был тем, что уже полтора века считается типом «великого русского писателя» (любопытно, что прототипом одного явился некогда не столько Пушкин, сколько Аполлон Григорьев). Консервативен. Стыдлив. Беспомощен. Заведомо во всем виноват (см. выше). Сентиментален. Пьет. Предпочитает (вынужден предпочитать) шартрезу рассол. Склонен к полноте. Носит бороду. Живет долго, но почему-то умирает много до срока. Полагает русскую литературу единственно возможной... просто единственно возможной. С доброй снисходительностью относится к существам, не знающим русского языка. Может ходить, но в основном не ходит, а сидит — в догровой яме, в лагере, а если все хорошо, то в покойном кресле. Жалеет всех своих героев — потому что он не Альфред де Мюссе и не Эдуард Лимонов, а великий русский писатель, и ему всех жалко. Во всех своих книгах Довлатов был ровно таким, и, если перевести на язык предельной ясности, он был то самое, что с такой убедительностью дано в единственном на свете русофильском научно-фантастическом фильме «Кин-Дза-Дза»: когда за героем Евгения Леонова запыляется крышка железного ящика (пожизненный эрык с гвоздями), он отчаянно поет: «На речке, на речке, на том бережочке...» К этой сцене нечего добавит.

2. Довлатов плохо умер. Пропал, по выражению Булгарина, как заяц: причиною его смерти (такой преждевременной и такой абсурдной: умер, потому что не доехал до больницы, а не доехал, потому что медицинской страховки не было) явилась инерция, причем инерция самого несчастного свойства, та же, что погубила многих — от Пушкина до главного героя «Калины красной». Обстоятельства вокруг него менялись тогда, когда им уже поздно было меняться — а потому выход за пределы беспорочного (но оттого не менее смертельного в довлатовском случае) круга оказался невозможным. В 1989–1990 годах в России стали издаваться его книги, и самое время было ехать назад и принимать неслыханную, растущую как на дрожжах славу — но слишком много времени было проведено в беспорочном ландшафте. Ему не повезло с географией: гнусный город Петербург и гетто Брайтон-Бич убивали его пред-

Несмотря на то что в шляпе, какой во второй половине XX века не носил ни один великий русский писатель, Довлатов — самый яркий пример такового.
Фото Нины Аловерт

назначенный к деревенским глубинам талант. Родись Довлатов, как кумир его Шервуд Андерсон, в мелкой провинции — жил бы себе да писал до девяноста лет. Талант виден, как лозунг: каждому гению — свой собственный штат Айдахо.

3. Довлатов создал свой собственный язык — и это обстоятельство представляется важнейшим в его прозе, куда более важным, чем все байки, уже десять лет цитируемые и передаваемые по всей России. Он стал народным писателем не оттого, что весь разошелся на анекдоты (на пословицы ушел и великолепный, но притом нисколько не народный Грибоедов), — ему и только ему удалось в восьмидесяти годах прошедшего столетия вызвать к существованию тот нормативный литературный язык, на котором пристало говорить грамотному человеку в родном для Довлатова государстве. В уникальном этом деле у него почти нет предшественников, кроме Пушкина и позднего Толстого: среди многих гениальных экспериментаторов за два столетия лишь эти двое наводили в прозе порядок. Именно потому, что непостижимая механика довлатовского слога закрыта для эпигонов, такими скверными оказываются писания всех вдохновенных его сюжетной позой storyteller'a: кинувшись рассказывать спонтанные истории, они и близко не способны так аскетично и точно писать — и Михаил Веллер будет здесь одним из грустнейших примеров. Не так давно, правда, у Довлатова появился достойный и неожиданный преемник: детективные романы Леонида Юзефовича поражают своим оригинальным и гармоничным русским языком, хоть сейчас давай читать

гимназистам. «Кто бы ни был автор, а писать надо вот так — просто и ясно», как объяснял Пушкин такому гимназисту, спросившему у него, кто написал «Повести Белкина».

Наконец, 4. Довлатов, гигант в прямом и переносном смысле слова («все мы перед ним пигмей»), всю свою жизнь — явно ли, неявно — боролся с русским литературным модернизмом и авангардом. Именно он и победил их окончательно. В то время как западноевропейская проза в ее нынешнем состоянии немилым без своих прародителей Пруста и Джойса, а поэзия — без Т.С. Элиота и Паунда, русская литература может прекрасно существовать безо всякого модернизма, который не нужен ей и вреден. Россию миновала катастрофа традиционных художественных форм — взамен ее постигла другая катастрофа, большевицкая. И потому вместо Генри Миллера и Гертруды Стайн нам были даны сперва Зошенко и «Котлован», затем «Архипелаг ГУЛАГ» и, наконец, довлатовский «Заповедник» — все это в знак того, что в России проза никогда не утратит масштаба. Так что если на гниющем Западе стихи теперь пишутся без рифмы, а высокая проза — потоком сознания, то здесь, на родине Довлатова, домодернистские правила письма будут жить вечно. Не случайно даже такие великолепные образчики модернизма, как сочинения Набокова, Белого и Ремизова, всего лишь одна сотая часть того, на что способна русская литература. Того, на что способен был Довлатов, всем пишущим после которого должно быть стыдно именовать себя авангардистами.

С днем рождения.